

А.А. Чекалова

АРХОНТЫ И СЕНАТОРЫ В ИЗБРАНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА (IV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VII в.)

После выхода в свет работы известного немецкого ученого Х.-Г. Бека “Сенат и народ Константинополя”¹ в науке стало принятым считать, что в то время как до середины V в. империя была солдатской и решающую роль в ней играла армия, с середины V в. положение коренным образом меняется: сенат становится важным конституционным фактором, ему принадлежит решающая роль в выборах императора².

Оба эти положения, на наш взгляд, нуждаются в уточнении, ибо и до середины V в. решающую роль в избрании императора играла не столько армия, сколько влиятельные (в том числе и гражданские) государственные деятели. Вспомним, например, как произошло избрание императора Валентиниана I, которое достаточно подробно описал Аммиан Марцеллин. Историк в частности сообщает, что после смерти Иовиана войско переместилось в Никею, мать городов Вифинии, а высшие гражданские и военные чины (*potestatum civilium militiaeque rectores*), осознавая важность лежащей на них общей заботы, а некоторые из них, обольщаясь при этом и пустыми надеждами, принялись искать в правители человека, проверенного в делах и достойного³. Аммиан, как мы видим, даже поставил на первое место гражданские чины, а не военные. Из других источников мы узнаем, о каких высоких гражданских чиновниках шла речь. Это в первую очередь патрикий Датиан, который был приближен ко двору Константином I и затем стал главным советником его сына – императора Констанция II. Царским Нестором называли его византийцы⁴. Датиан сопровождал Иовиана до Анкиры и по старости и болезни остался там на зиму. Узнав о смерти императора, он обратился с посланием к его окружению, рекомендуя избрать на царство Валентиниана. Об этом как об очень важном факте сообщает ритор Ливаний⁵, известно это было и историку Филосторгию⁶. По словам Филосторгия, в этом деле Датиану содействовал Сатурниний Секунд Салютий, занимавший

¹ *Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte // Bayerische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. 1966. Heft 6. München, 1966.*

² *Ibid. S. 10.* См. также: *Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur – Gegensätze – Spannungen. München, 1977. S. 79.* Ср.: *Χριστοφιλοπούλου ΑΙ. Ἡ Σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Ἀθήναι, 1949. Σ. 112; Eadem. Ἐκλογὴ, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. Ἀθήναι, 1956. Σ. 58; Cameron Av. Commentary // *Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris libri IV/ Ed. Av. Cameron. L., 1976. P. 159, 165.**

³ *Amianus Marcellinus. Römische Geschichte / Ed. W. Seyfarth. B., 1968–1971. Bd. 1–4. (Далее: Amm. Marc.). XXVI. 1.3.*

⁴ *Libanii Epistulae // Idem. Opera omnia / Ed. R. Förster. Lipsiae, 1921–1922. Vol. 10–11. (Далее: Lib. Ep.). Ep. 1446.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Philostorgius. Kirchengeschichte / Ed. J. Bidez, F. Winkelmann. B., 1972. (Далее: Philost.). VIII.8.*

в ту пору пост префекта претория Востока⁷. Это был выходец из Галлии, прекрасно образованный (искушенный как в латинской, так и в греческой словесности), к тому же опытный администратор (он прошел долгий путь в иерархии должностей) и личность, пользовавшаяся огромным влиянием при константинопольском дворе⁸. Он присутствовал у смертного одра Юлиана Отступника, и ему после кончины этого императора был даже предложен императорский трон, но он от него отказался по причине старости и слабого здоровья⁹. Однако он продолжал верно служить Иовиану, будучи, по словам ратора Фемистия, его Нестором¹⁰. О важной роли префекта Салютия в избрании Валентиниана сообщает и Аммиан Марцеллин¹¹. Среди военных чинов в источниках названы имена магистра милитум Дагалаифа¹² и стратига Аринтея¹³. И лишь когда вопрос в высших сферах был решен окончательно, кандидат был представлен войску. Конечно, войско выступает как главный, даже единственный конституционный элемент, обеспечивающий законность избрания нового императора. Другие силы (сенат и народ) не участвуют в избрании вовсе. Войско могло Валентиниана и не одобрить, как то чуть и не случилось под воздействием некоторых недовольных его выдвиганием лиц. Положение, по свидетельству Аммиана, спас он сам своей твердой и полной уверенности речью¹⁴. Но, как бы то ни было, престол достался тому, на ком остановили свой выбор высшие чины.

Создается впечатление, что и впоследствии закулисная сторона дела являлась главной движущей пружиной в подготовке акта провозглашения императора. Вместе с тем в самом торжестве провозглашения начинают происходить важные изменения. Оно перемещается к столице империи – Константинополю, совершаясь на его загородном военном поле – Евдоме¹⁵, где присутствуют не только солдаты и их командиры, но и высшие гражданские чины. Провозглашение приобретает черты пышной церемонии, завершаясь шествием в город, ко дворцу, названному в честь матери Константина Великого – Елены, форуму Константина, к храму Св. Софии и затем в Большой императорский дворец. В ходе самой церемонии все более важная роль отводится сенаторам и сенату в целом¹⁶. Иными словами, войско постепенно теряет монопольное право на официальное избрание императора.

⁷ Ibid.

⁸ Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE.I). P. 814: Saturninius Secundus Salutius 3.

⁹ Amm. Marc. XXV. 5.3.

¹⁰ Themistii Orationes / Ed. G. Downey, A.F. Norman. Lipsiae, 1965–74. Vol. 1–3. (Далее: Them. Or.). V. 67B.

¹¹ Amm. Marc. XXVI. 2.1.

¹² Это был видный военачальник при Юлиане и Иовиане. В 363–364 гг. Дагалаиф занимал пост магистра equitum. Впоследствии Валентиниан взял его с собой на Запад, где он в 366 г. был удостоен консульского звания. См.: PLRE.I. P. 239: Dagalaifus.

¹³ Аринтей был комитом rei militaris. Принимал активное участие в персидской кампании Юлиана. Сохранил видное положение при Иовиане. Вместе с вышеупомянутым Сатурнинием Секундом Салютием вел переговоры с персами. См.: Amm. Marc. XXIV.1.2; 7.2 etc.; PLRE.I. P. 102–103: Flavius Arintheus.

¹⁴ Amm. Marc. XXVI.2. 5–11.

¹⁵ Уже в 364 г. в Евдоме был провозглашен императором Валент. См.: Amm. Marc. XXVI.4.3.

¹⁶ Начало складывания этой церемонии, вероятно, относится к провозглашению императором Валента, которого после ритуала в Евдоме Валентиниан посадил с собой в колесницу и повез в Константинополь в Большой императорский дворец. См.: Amm. Marc. XXVI.4.3. Известно, однако, что уже Юлиана при входе в Константинополь с благоговейным почтением приветствовал сенат (exceptus... verecundis senatus officiis). См.: Amm. Marc. XXII.2.4.

В 450 г. по восшествии на императорский престол Маркиан в своем послании к папе Льву заявил: “На это великое царство я взошел по божественному провидению, решению удивительного сената и всего войска”¹⁷. Как мы видим, в официальном документе сенату даже отдано предпочтение перед войском. Хронист VI в. Иоанн Малала, описывая вступление Маркиана на престол, о войске не упомянул вовсе. По его свидетельству, умирающий Феодосий II в присутствии августы Пульхерии, магистра милитум Аспара и всего сената назвал Маркиана своим преемником, и по смерти Феодосия “был увенчан сенатом на царство божественнейший Маркиан”¹⁸. Более ранний автор Феодор Чтец, напротив, утверждает, что Маркиан был избран войском¹⁹. Скорее всего в церемонии провозглашения Маркиана принимало участие и войско (на военном поле – Евдоме), и сенат (в ходе торжественного шествия в самом Константинополе), как это имело место семь лет спустя при избрании его преемника – Льва, о чем речь пойдет ниже. Действительность, однако, была значительно сложнее. Дело в том, что с момента кончины Феодосия II до провозглашения императором Маркиана прошло 28 дней – срок небывалый для столь неотложного дела. И эти 28 дней, видимо, были заполнены сложнейшими переговорами. Ключевой фигурой в данном случае являлась, по всей видимости, сестра почившего василевса Пульхерия, женщина властная и неглупая, которая в какой-то момент решила вступить в союз с магистром милитум Аспаром, согласившись на возведение на трон domestика полководца – Маркиана. Для сохранения и упрочения своего положения Пульхерия отважилась на брак с Маркианом, для чего ей пришлось нарушить обет безбрачия, что для нее, женщины несомненно искренне и глубоко верующей, было великой жертвой²⁰. Но как бы то ни было, судьба престола решалась не в шумном собрании и откровенном выборе, а в тишине дворцовых покоев в переговорах с наиболее влиятельными людьми в империи, теми, кого в греческих источниках обычно именуют архонтами.

¹⁷ PL. T. 54. Col. 889.

¹⁸ Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831. (Далее: Malal.). P. 366–367.

¹⁹ Theod. Lec. Fr. 354.

²⁰ По мнению Р. Бэрджиса, решающую роль в избрании императором Маркиана сыграл Аспар, в то время как императрица Пульхерия, которой традиционно отводится решающая роль в возведении Маркиана на престол, являлась лишь простым инструментом в руках всемогущего временщика. См.: *Burgess R.W. The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic // BZ. 1993/1994. Bd. 86/87. P. 64–68.* Единственным, причем весьма зыбким, основанием для гипотезы Бэрджиса является свидетельство Иоанна Малалы о том, что Феодосий II, уже находившийся на смертном одре, объявил Маркиану в присутствии Аспара и всех сенаторов о явившемся ему видении, что он после его смерти станет василевсом (Malal. P. 366–367). Не будем забывать, однако, что в той же “Хронографии” Иоанна Малалы говорится о том, что Феодосий до этого имел разговор со своей сестрой Пульхерией (Ibid.). Все остальные источники, сообщающие о возведении на престол Маркиана, особо подчеркивают роль августы Пульхерии. При всем том, что связь между Маркианом и Аспаром, чьим domestиком он ранее был, очевидна, почему бы не предположить обратное, а именно: Пульхерия решила заручиться поддержкой Аспара, просив своего врага – могущественного при дворе евнуха Хрисафия. Важная роль, которую играла Пульхерия в период правления своего брата Феодосия, а также тот неоспоримый факт, что главным событием ее совместного с Маркианом правления стал Халкидонский собор, который никак не мог быть делом рук арианина Аспара, являются важными доказательствами в пользу этой точки зрения. Кроме того, следует отметить, что возвышение Аспара имело место после избрания на престол Маркиана, и, по всей видимости, явилось следствием этого события. До этого ему приходилось терпеть поражения и особым влиянием на ход государственных дел и императора Феодосия II он, по свидетельству историка Приска, не пользовался. См.: *Prisci Fragmenta // FHG. Vol. 4 (Далее: Prisc. fr.). P. 95. Fr. 8.*

По смерти Маркиана в 457 г. императором стал Лев I. Поскольку Х.-Г. Бек именно в избрании Льва видит переломный момент в складывавшейся в ранней Византии практике избрания императора, остановимся несколько подробнее на событиях 457 г., когда Льву достался царский престол.

Возведение в императоры Льва было подробно описано в не дошедшем до нас сочинении видного дипломата VI в., магистра оффиций Петра Патрикия, который по должности своей ведал придворным церемониалом и был прекрасно по этой части осведомлен. Весьма вероятно, что при изложении провозглашения императором Льва Петр использовал документ, составленный кем-то из людей другого магистра оффиций – Мартиала, занимавшего этот пост именно в момент восшествия Льва на престол²¹. Вместе с другими подобными фрагментами сочинения Петра Патрикия этот пассаж был включен в компилятивный труд “*De cerimoniis*”, приписываемый Константину Багрянородному²², благодаря чему мы располагаем теперь восходящим, по всей видимости, к свидетельству современника изложением этого важного события.

Описание провозглашения императором Льва предваряется следующей фразой: “После того как умер Маркиан Божьего избрания и выбор сената пал на Льва благочестивого избрания, все собрались на [военном] поле”²³. Иными словами, согласно вступительной фразе текста “*De cerimoniis*”, добавленной, вероятно, позднее, ибо она не согласуется ни с последующим выступлением Льва перед войском, ни с другими данными источников, выбор был сделан сенатом, а затем состоялось официальное провозглашение нового императора. Посмотрим, как это произошло, ибо детали в данном случае несут весьма важную смысловую нагрузку. Церемония началась в пригороде Константинополя, Евдоме, где собрались все высшие чины, придворная гвардия и солдаты, а также патриарх Анатолий. После того как войска опустили знамена и значки²⁴ и пригнули их к земле, все начали кричать: “Услыши, о Боже, тебя призываем! Услыши, о Боже! Да здравствует Лев, услыши, о Боже! Лев будет царствовать! О Боже милостивый, государство (τὸ πρῶτον τὸ θεῖον) просит Льва в цари. Войско просит Льва в цари. Льва ждут законы! Льва ожидает дворец! Те самые мольбы дворца! Те самые просьбы войска! Те самые мольбы сената! Те самые мольбы народа! Льва ожидает весь мир (ὁ κόσμος)! Льва ожидает войско. Пусть придет Лев, общая краса. Лев, общее благо, будет царствовать! Услыши Боже, тебя призываем!” И тотчас вывели Льва, комита и трибуна маттиариев²⁵. Когда он взошел на трибунал, кампидуктор Вусальг возложил ему на голову шейную

²¹ Constantini Porphyrogeniti *De cerimoniis aulae byzantinae*. Bonnae, 1829. Vol. 1. (Далее: *De cer.*). P. 410. Мартиал был видным политическим деятелем уже в эпоху Феодосия II. См.: *Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge, 1980. Vol. 2. (Далее: PLRE. II). P. 729: Fl. Areobindas Martialis. Возможно, он приходился двоюродным братом мужу внучки Аспара Годисфеи – Дагалаифу.

²² *De cer.* P. 410–417.

²³ *De cer.* P. 410.

²⁴ Λαβάρων καὶ σφύων. Греческое написание латинских обозначений знамен: лабарума – государственного знамени с изображением (со времен Константина Великого) креста и инициалов Иисуса Христа и знаков как боевых знамен, обычно в виде орла. Надо отметить, что обилие во всем пассаже латинской терминологии создает впечатление, что первоначальный текст, зафиксировавший провозглашение императором Льва I (как и других императоров, вплоть до Юстиниана I) был составлен по-латыни и лишь затем был изложен Петром Патрикием по-гречески. Ср.: *Vasiliev A.A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great*. Cambridge. (Mass.), 1950. P. 69.

²⁵ Маттиарии – название старого полка, имевшего стоянку в Силимврии.

цепь²⁶, а Олимпий, также кампидуктор, дал ему другую цепь в правую руку. Тогда были подняты с земли знамена, и отовсюду раздались возгласы: “Лев август, твоя победа, ты благочестивый, ты достойный поклонения! Бог тебя дал, Бог тебя сохранит! Почитая Христа, ты всегда побеждаешь! Многая лета царствованию Льва! Бог сохранит христианское царство”. Тотчас кандидаты²⁷ окружили Льва на трибунале, сомкнув свои щиты. Лев облачился в царские одежды, и с венцом на голове показался народу. Все архонты по порядку отдали ему земной поклон. Ему вручили копье и щит. И опять все принялись славословить его такими словами: “Могущественный и победитель и достойный поклонения, в добрый час, в добрый час! Лев август, многая лета твоему царствованию! Сохранит Бог этот царский венец! Христианское царство сохранит Бог!” и то му подобное²⁸.

Затем Лев через своего глашатая обратился к собравшимся со словами: “Император кесарь Лев, победитель, всегда август. Всемогущий Бог и ваше решение, храбрейшие соратники по оружию, избрали меня в добрый час императором государства римлян”. В ответ раздались возгласы: “Лев Август, твоя победа. Избравший тебя сохранит тебя! Своего избранника Бог охраняет! Благочестивое царство Бог сохранит. Благочестивый и могущественный!”.

Лев продолжил свою речь такими словами: “Во мне вы будете иметь владыкой-начальником соратника-воина в трудах, которые я научился выносить, еще неся службу вместе с вами”. Раздался всеобщий возглас: “В добрый час! Войско хочет тебя царем, победитель! Войско хочет тебя царем, счастливый! Тебя мы все желаем!”. Лев продолжил: “Я знаю, какие дары я должен дать войскам”. Все закричали: “Благочестивый, могущественный, мудрейший!”. Император произнес: “За достижение моего святого и счастливого царства я дам всем поголовно по пяти номисам и либре серебра”²⁹. Все закричали: “Благочестивый и щедрый. От тебя исходят почести, от тебя имущество. Пусть будет нам твое счастливое царство золотыми веками!”. Лев закончил словами: “Да будет с вами Бог!”. Затем он направился в город³⁰.

В этом месте текст прерывается прелюбопытной фразой: “А все остальное произошло согласно [заведенному] порядку (*κατὰ τάξιν*)”³¹. Посмотрим, в чем заключался этот, насколько можно судить по только что приведенной фразе, уже сложившийся ко времени провозглашения Льва порядок. После произнесения через глашатая своей речи, вновь избранный император в сопровождении патрикиев, префекта претория Востока, префекта города Константинополя и магистра оффиций, входит в мутаторий, находившийся возле походной церкви. Туда же входят по три человека от каждой школы и получают от него подарки. Оставив свой венец в мутатории, император проходит затем в походную церковь, где его ожидают священники. (Присутствовавший на церемонии патриарх к тому времени вместе со своим клиром покинул военное поле и отправился в храм Св. Софии, чтобы уже там встретить нового императора.) Помолвившись в церкви и выйдя из нее, император надевает венец, садится на белого коня, по-

²⁶ Возложение шейной цепи на голову являлось германским обычаем, который был уже в ходу со времени провозглашения цезарем Юлиана Отступника. См.: *Amm.Marc. XX. 4.15.*

²⁷ Кандидаты – привилегированные войска придворной гвардии, получившие свое название по белому цвету мундиров, которые они носили (*candidatus* – ослепительно белый).

²⁸ *De cer. P. 411.*

²⁹ Это был обычный донатив за провозглашение императором. Ср.: *Amm.Marc. XX.4.18; De cer. P. 429.*

³⁰ *De cer. P. 412.*

³¹ *De cer. P. 412.*

зволя сопровождавшим его архонтам также сесть на коней, и шествие направляется в церковь Иоанна Крестителя³². Войдя в приготовленный для данного случая мутаторий, император снимает венец и передает его препозиту священной спальни, и тот несет его в опущенных руках. Когда же он входит в алтарь, препозит отдает ему венец, и он возлагает его на святой престол; затем, взяв его обратно, император вновь передает препозиту и через коми́та *rei privatae* делает пожертвование на храм, какое пожелает. Войдя в мутаторий, император надевает венец. Затем он садится на коня и направляется во дворец Еленианы³³.

У Елениан император сходит с коня, его встречает управляющий дворца и, если это не воскресенье, падает перед ним ниц у ворот, и если он лицо сановное, император приветствует его изустно. Тут же его ожидает крест, водруженный прямо на земле, по правую руку от императора и поддерживаемый веститорами³⁴. Император входит в мутаторий дворца и облачается в кампагии, белый с золотыми клави́ми дивитисий и пурпурную хлами́ду³⁵. В этом орна́те император садится в повозку, перед которой несут крест и перси́кии³⁶ с деньгами. В повозку к императору сажается первый патрикий или тот, кого он пожелает, и, войдя в повозку, целует императору руку. Остальные высшие чины (архонты) идут впереди экипажа. По обеим сторонам императорской повозки идут два коми́та *схол*, держась за ручки дверц. У городских ворот [стены Константина] их сменяют два коми́та *доместиков*. Процессия направляется к форуму Константина. Здесь император выходит из повозки и милостиво принимает приветствие префекта города и сената. Первый член сената вместе с префектом подносят ему золотой венец. Поприветствовав всех изустно, император опять садится в повозку, теперь уже один, между тем по обеим сторонам повозки становятся военачальники, обладавшие консульским званием. Сопровождаемый сенаторами и архонтами, император отправляется через площадь Августеон в храм Св. Софии. Через большие врата он входит в атрий храма, затем в мутатории нартекса снимает венец и передает его препозиту. Тот берет его, а затем [перед алтарем] возвращает василевсу и тот кладет его на святой престол. Далее император преподносит драгоценный подарок по своему желанию, в том числе и золотом. Тут в тексте следует ремарка, что василевсы в подобных случаях совершают различные дары³⁷. Далее император останавливается на некоторое время перед алтарной преградой, затем переходит в паратри́клин и слушает чтение Евангелия, а если пожелает, то и причащается. Перед выходом из храма патриарх возлагает на него венец, император по обычаю делает дары членам клира и затем направляется в свою основную резиденцию – Большой императорский

³² Церковь Иоанна Крестителя, находившаяся в Евдоме, была построена в конце IV в. См.: *Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Vol. 1. (Далее: Chron. Pasch.)*. P. 564; *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. P., 1969. P. 413–415.*

³³ *De cer.* P. 413–414. Еленианы – дворец, названный в честь матери Константина Великого. Построен в конце IV в. См.: *Tiftixoglu V. Die Helenianai nebst einigen anderen Besitzungen im Vorfeld des frühen Konstantinopel // Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels / Hrsg. von H.-G. Beck. München, 1973. S. 78–79.*

³⁴ Это был большой, украшенный драгоценными камнями “крест Константина Великого” с частицей “Истинного Креста”. О его роли в придворных церемониях уже с конца IV в. см.: *Cotsonis J.A. Byzantine Figural Processional Crosses. Washington, 1994. P. 8.*

³⁵ Это была парадная одежда василевсов, которую надевали в наиболее торжественных случаях. Дивитисий – длинная до пола туника, перехватывающаяся поясом, кампагии – открытые невысокие башмаки красной кожи, расшитые жемчугом.

³⁶ По всей видимости, кошель с деньгами.

³⁷ *De cer.* P. 415.

дворец. Перед царским портиком дворца³⁸ императора встречают все сенаторы. Сюда же являются и те комиты схол, которые охраняли город и дворец во время церемонии и на ней не присутствовали. Если это не воскресенье, они падают ниц перед василевсом и целуют его ноги, на что василевс отвечает ласковым приветствием. После этого сенаторы вместе с префектом города подносят ему питтакий³⁹ в три тысячи либр серебра. Василевс принимает его и тотчас возвращается назад. Затем в сопровождении всех присутствующих он входит во внутренние покои. В зале консистория император отпускает префектов, а сенаторы и все архонты ждут стоя, пока император, пройдя с патрикиями в кувуклий, не отпустит их. Архонты, добавляет автор текста, приносят василевсу присягу, что не будут злоумышлять против него⁴⁰. Текст присяги василевс хранит у себя. Если августа находится во дворце, она встречает василевса во дворце, либо снаружи дворца на Августеоне, и василевс целует ее в голову. Затем василевс устраивает пиршество в большом триклинии. Рядом⁴¹ с василевсом располагаются оба препозита священной спальни, патрикии по его выбору, префект претория Востока, префект города Константинополя и магистр оффиций, на других ложах – военные чины. Все одеты в белые хламиды и кампагии. Если того хочет василевс, во время пиршества гостей увеселяют забавами. На следующий день, если нет к тому препятствий⁴², устраиваются ристания, на которые все опять одевают белые хламиды и кампагии, и василевс, если пожелает, опять устраивает пиршество⁴³.

Мы намеренно привели достаточно подробно текст провозглашения императором Льва, поскольку он с очевидностью свидетельствует о том, что официальное возведение императора на престол превратилось в прочно сложившийся церемониал. Об этом свидетельствует и выше приведенная фраза: “А дальше все произошло согласно [заведенному] порядку”, и самая тщательность описания торжественного шествия, где все разработано до мелочей, что не могло сложиться в одночасье, и указания в тексте на возможные различия в ходе церемонии. Показательно, что в описании торжественного шествия к Константинополю не упомянута стена Феодосия с ее знаменитыми Золотыми воротами, которые непременно фигурируют в подобного рода событиях, и уже это наводит на мысль, что текст второй части изложения провозглашения императором Льва (или, что представляется более вероятным, его основа) датируется временем, предшествующим 413 г., т.е. году возведения второй сухопутной стены Константинополя. Любопытно также, что все архитектурные комплексы, упомянутые в этой части текста (и на это справедливо обратил внимание В. Тифтиксоглу⁴⁴) были возведены до начала V в. На основании датировки постройки дворца Еленианы исследовать даже предлагает более точную дату составления текста – 23 января 393 г., т.е. дня провозглашения императором юного Гонория⁴⁵. На наш взгляд, к этому времени относится основа текста, как и самой церемонии, которая начала складываться раньше, а затем обросла рядом более мелких деталей.

³⁸ ἔσω τῆς ῥηγίας.

³⁹ Букв: кусок пергамента.

⁴⁰ Эта часть церемонии, по всей видимости, происходила в консистории.

⁴¹ Букв: на ложе (ἐν τῷ ἰδίῳ αὐτοῦ ἀκουστικῷ). De cer. P. 416.

⁴² Имеются в виду религиозные праздники.

⁴³ De cer. P. 417.

⁴⁴ Tiftixoglu V. Op. cit. S. 78–79. Cf.: Cotsonis J.A. Op. cit. P. 8. Not. 3.

⁴⁵ Tiftixoglu V. Op. cit. P. 82.

Текст церемонии недвусмысленно свидетельствует о пока еще важной роли армии в провозглашении императором Льва. Показательно, что в своей речи в Евдоме Лев обращается со словами благодарности именно к воинам, обещая им традиционное для таких случаев вознаграждение.

Нельзя не отметить, однако, что события на военном поле являлись лишь частью церемонии, которая затем превращается в длинное шествие и приобретает шаг за шагом все более гражданский характер, окрашиваясь при этом в религиозные тона. На форуме Константина императора встречают сенаторы, которые затем вместе с архонтами сопровождают его к церкви Св. Софии и Большому императорскому дворцу. Вслед за императором они входят во дворец и пребывают там до конца церемонии. Конечно, сенаторы играли в церемонии лишь репрезентативную роль, но сам факт их участия в церемонии существенно менял ее характер, и вот в этом Х.-Г. Бек, разумеется, прав⁴⁶, с той лишь существенной разницей, что изменения в характере провозглашения императора следует датировать не серединой V в., а, по меньшей мере, полстолетием раньше. Собственно говоря, можно утверждать, что складывание иной, чем в Риме, формы провозглашения императора находилось в тесной связи со складыванием Византии как особой цивилизации, немало почерпнувшей не только от Рима, но и от Востока, на территории древних цивилизаций которого она в значительной степени располагалась.

Описание церемонии позволяет также сделать вывод о важной роли в государстве высших сановников – патрикиев, а также префектов претория и префектов города, магистра официий и магистров милитум, иначе говоря, тех, кого ранневизантийские авторы относят к категории архонтов. Вероятно, именно они или даже кто-то один из них, пользовавшийся особым влиянием, играли решающую роль в избрании нового императора. Показательно, что ранневизантийская традиция подчеркивает огромную роль Аспара в возведении на престол Льва⁴⁷. По всей видимости, кандидатура Льва, выдвинутая Аспаром, который укрепил свое положение в верхах общества в период правления Маркиана⁴⁸, оказалась принятой важнейшими персонами в государстве, представлявшими и олицетворявшими собой сенат Константинополя, патриархом и армией, в которой также несомненно играли главную роль высшие чины, определявшие настрояние всего войска.

Опуская возведение на престол Льва II и Зинона, где основную роль сыграло объявление их соправителями правящего императора, остановимся на наиболее важных для нашей цели моментах возведения на престол Анастасия I. По свидетельству Феофана, после смерти императора Зинона опустевшим престолом вознамерился овладеть его брат, магистр милитум Лонгин, дважды удостоивавшийся звания консула и являвшийся главным членом сената (τῆς συγκλήτου βουλῆς πρώτος ἠγούμενος), однако, овдовевшая императрица Ариадна, сенат и все войско провозгласили василевсом силенциария Анастасия⁴⁹. Как бы ни было кратким сообщение хрониста, все же оно позволяет заключить,

⁴⁶ Ср.: *Dagron G.* Empereur et prêtre: Etude sur le "césaropapisme" byzantin. P., 1996. P. 83–84.

⁴⁷ См.: *Candidi Fragmenta* // FHG. Vol. 4. P. 135; Prisc. fr. 20; Procopii Caesariensis *De bello Vandalico* // *Idem.* Opera omnia. Lipsiae, 1962. Vol. 1. I. 5.7 ets.

⁴⁸ Именно при Маркиане Аспар был удостоен титула патрикий, а затем уже при Льве (вероятно, за оказанные Льву услуги) он стал именоваться первым патрикием и первым членом сената.

⁴⁹ *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. (Далее Theoph.). А.М. 5983; Ср.: *Euagrius.* The Ecclesiastical History / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898. (Далее: *Euagr.*) III.29.

что сенат в той или иной степени принимал участие в решении вопроса о судьбе престола, причем показательно, что Феофан, вслед видимо, за более ранним источником, назвал его сразу же после императрицы, отводя, таким образом, ему более важное место, нежели войску. Посмотрим, как изложено избрание Анастасия в “*De cerimoniis*”⁵⁰.

Описание его провозглашения начинается с фразы: “Благочестиво избранный Анастасий был провозглашен на ипподроме следующим образом”, и это сразу погружает нас в совершенно иную атмосферу, нежели провозглашение Льва, начавшееся, как мы помним, на военном поле. Далее события излагаются следующим образом. После смерти Зинова ночью в портике перед большим триклинием дворца (там, где устраивал пиршество по своему восшествию на престол Лев) собрались архонты, сенаторы и патриарх. Между тем народ заполнил ипподром, расположившись по своим факциям; сюда же прибыли и войска. Ипподром наполнился криками, требующими нового василевса, хотя останки почившего императора еще не были погребены. По совету архонтов императрица Ариадна сделала выход в кафисму ипподрома. Облаченная в порфиру, она явилась народу, сопровождаемая обоими пропозитами, магистром оффиций и другими архонтами, которым дозволялось смотреть ристания из царской кафисмы. Вместе с императрицей вышел и патриарх Евфимий. Остальные архонты стали лицом к императрице перед решеткой и на ступенях, ведущих к кафисме. Гражданские чины стояли направо, военные – налево; и те, и другие распределились по своим рангам. После славословий в адрес императрицы, она через своего глашатая обратилась к собравшимся с речью, в которой, величая собравшихся “ваше благородство” (ἡ ὑμετέρᾳ γενναϊότης) и “ваша священная преданность”, сказала, что, предворяя просьбы народа, она сделала повеление “славнейшим архонтам и священному сенату со всеобщего благороднейшего одобрения сильнейших [войск] избрать, мужа христианина, римлянина, украшенного всей царской добродетелью...”⁵¹. Речь императрицы многократно прерывалась славословиями, главными образом в ее адрес, однако среди них есть и одно весьма любопытное “πολλὰ τὰ ἔτη τῶν ἀρχόντων”⁵², т.е. “Многая лета архонтам!” Ариадна вернулась во внутренние покои, в залу, именуемую Августей, т.е. триклиний августа, а архонты, расположившись на скамьях перед Дельфаком⁵³ принялись обсуждать вопрос о кандидате на престол. Споры были долгими и упорными. Наконец, препозит Урвикий предложил собравшимся предоставить выбор самой Ариадне. Предложение Урвикия было принято, и по поручению сената патриарх Евфимий передал его решение императрице. Императрица высказала пожелание видеть своим новым мужем и императором силенциария Анастасия, которому было уже шестьдесят лет. К Анастасию послали комитов протикторов и доместиков и его тотчас привели во дворец и поместили в зале консистория. Зинов был погребен, ибо в тот же день все было подготовлено для похорон⁵⁴, а вечером было решено созвать на следующий день силенций и конвент,

⁵⁰ *De cer.* 92. P. 417–425.

⁵¹ *Ibid.* P. 419.

⁵² *Ibid.* P. 421.

⁵³ Дельфак – большой внутренний двор, расположенный возле триклиния 19 аккувитов, залы Августей и консистория. См.: *Guillard R. Études de topographie de Constantinople byzantine.* 1969. Т. 1. 4: De Delphax. P. 70–80.

⁵⁴ Ходили слухи, что Зинова в пьяном виде приняли за мертвеца и уложили в гроб. Когда дело открылось, Ариадна не позволила открывать гроб, и императора похоронили заживо. См. *Joannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII.* Vol. 3. *Bonnae*, 1898. XIV. 2. 32–35. P. 132–133.

т.е. совместное заседание сената и консистория⁵⁵. Все сановники явились в белых хламидах и были приняты и удостоены приветствия в консистории. Явился и патриарх, и после того как все были удостоены согласно обычаю ласкового приветствия, Анастасий вышел в портик перед большим триклинием и встал в центре него. Все архонты и сенаторы (ἀρχόντες οἱ ἄρχοντες καὶ σὺγκλητικοί) вышли к нему и попросили его поклясться в том, что он не сохранит ни против кого раздражения и злобы⁵⁶ и будет править по чистой совести. Анастасий дал клятву, после чего все отправились на ипподром. В триклинии, где обычно сенаторы приветствовали императора в день ристаний, Анастасий облачился в белый с золотыми клавами дивитисий, поножи и царские кампагии и с непокрытой головой вышел в кафисму ипподрома. Войска, стоявшие на отведенном для них месте под царской кафисмой, держали копья и знамена пригнутыми к земле. Народ, стоя, приветствовал Анастасия. Затем его поставили на щит, и кампидуктор полка ланциариев возложил ему на голову свою золотую цепь. Щит подняли вверх, и тотчас поднялись копья и знамена под общие восклицания солдат и народа. Сойдя со щита, Анастасий удалился в тот же самый триклиний, где облачился в царскую хламиду, а патриарх, прочитав молитву, со словами “Господи, помилуй” возложил на его голову венец. Затем Анастасий вернулся со своим окружением в кафисму ипподрома, и народ приветствовал его, восторженно восклицая: “Август, севаст!”. Затем через глашатая император обратился к войску и народу с речью, начав ее следующими словами: “Ясно, что власть над людьми зависит от манования свыше. Всемиловитейшая августа Ариадна по решению удивительнейших архонтов, выбор славнейшего сената и могучего войска с согласия святого народа принудили меня против воли... принять на себя заботу о римском царстве”⁵⁷. Как мы видим, в речи сделан акцент на решении первых лиц государства. Речь императора неоднократно прерывалась словословиями. После церемонии на ипподроме император в сопровождении сановников совершил выход в храм Св. Софии. По возвращении во дворец император, отпустив остальных, дал архонтам обед⁵⁸.

Сравнение описанного выше избрания Льва с возведением на престол Анастасия позволяет отметить следующие отличия. Прежде всего, провозглашение императора происходит не на военном поле, а на ипподроме, который стал для Константинополя своеобразным форумом, где происходила встреча императора с народом и где отныне осуществлялась сакрализация императорской власти⁵⁹. Как конституционная сила войско сохраняет свои права, но теперь на первом месте стоят архонты и сенат, которые присутствовали не только на ипподроме, но и в зале, где решалась проблема избрания нового императора, а затем первыми приветствовали его до выхода на ипподром и, более того, выслушали

⁵⁵ О силении и конвенте см.: Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // ВВ. 1972. Т. 33. С. 32. Примеч. 265.

⁵⁶ Из данного пассажа неясно, с кем у Анастасия была вражда до его воцарения на троне. Выше уже упоминалось о брате Зинова Лонгине, который сам хотел воцариться на троне. Из ряда источников известно, что против его кандидатуры упорно возражал патриарх Евфимий, который, в конце концов, уступил, но в качестве неперемного условия своего согласия на избрание Анастасия потребовал от него написанное его собственной рукой исповедание веры с признанием Халкидонского собора. Ариадна и синклит убедили Анастасия выполнить требование патриарха. См.: Theod. Lec. II. 6; Euagr. III. 32.

⁵⁷ De cer. P. 423–424.

⁵⁸ Ibid. P. 424.

⁵⁹ Впервые на ипподроме был провозглашен императором Лев II, которого приобщил к власти его дед, император Лев I. См.: De cer. 431–432.

его клятву. Кроме того, в провозглашении важное место отводится собственно народу, заполнившему ипподром. Иными словами, военный элемент растворяется во всеобщем характере провозглашения императора. Вместе с тем в самую церемонию на ипподроме были привнесены военные атрибуты. Солдаты опускают знамена, как на военном поле, Анастасия поднимают на щит, кампидуктор возлагает на его голову шейную цепь и тут же знамена поднимаются при всеобщих славословиях солдат и народа⁶⁰.

Важная роль в провозглашении Анастасия отводится и церкви. Если во время провозглашения Льва патриарх лишь присутствовал на военном поле, а затем встречал его в храме Св. Софии, то в 518 г. именно патриарх, после того как Анастасий сходит со щита и удаляется в триклиний, облачает его в порфиру и надевает на его голову венец, украшенный драгоценными камнями⁶¹. Это был первый в византийской истории случай коронования императора патриархом. И лишь затем Анастасий опять возвращается на ипподром, где произносит свою речь, прерываемую, как некогда в Евдоме при провозглашении Льва, славословиями. Славословий, пожалуй, побольше. Славят не только Бога, империю и императора. Славят Троицу, славят, что особенно интересно, город (Константинополь). Просят отдать должное войску и помиловать “рабов своих”, т.е. подданных⁶². В этом всеобщем ликовании как бы подчеркнут всеобщий характер провозглашения василевса.

Вместе с тем вполне очевидно, что главные события разворачивались не на ипподроме, а во дворце, где собственно и имело место самое избрание. Кроме того, исход событий, как нам кажется, позволяет высказать догадку, что после смерти Зинона, когда предстояло решить судьбу государства, вдовствующая уже императрица Ариадна вечером, еще до совещания высших сановников, имела встречу с препозитом Урвикеим, с которым и раньше имела обыкновенные советовать по важным государственным делам и еще в бытность Зинона императором, поручила ему организовать убийство влиятельного государственного деятеля, друга и соплеменника императора – исавра Илла⁶³. Во всяком случае и в византийской традиции, и в современных исследованиях Урвикию приписывается главная роль в возведении на престол Анастасия⁶⁴. Так или иначе, не сенат, не какой-либо иной институт, а лишь самые высшие персоны в государстве решили судьбу императорского престола в 491 г. Любопытно отметить здесь мнение тонкого исследователя Ю. Кулаковского, который полагал, что избрание Анастасия было подготовлено заранее и имя его как преемника Зинона было намечено задолго до восшествия на трон⁶⁵.

Обратимся теперь к избранию в 518 г. императора Юстина, которое, по мнению Х.-Г. Бека, является классическим случаем выборов, где сенату отводится главная роль⁶⁶. В 93 главе “*De serimoniis*”, послужившей главным источником

⁶⁰ Ibid. P. 423.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. P. 424–425.

⁶³ Malal. Fr. 35 (Ex. de ins. P. 164). Покушение на Илла не удалось: схоларий, которому было поручено убийство Илла на ипподроме, неудачно сработал мечом и вместо того, чтобы расцезь Илла надвое, срезал ему правое ухо, за что был тут же заколан на месте. См.: Malal. P. 387.

⁶⁴ См.: *Bury J.B. History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. L., 1923. Vol. 2. P. 16; Дьяконов А.П. Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 216; Honigmann E. Le cubiculaire Urbicius // REB. 1949. T. 7. Fasc. 1. P. 47–50; PLRE. II. P. 1189: Urbicius 1.*

⁶⁵ См.: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С. 360.

⁶⁶ Beck H.-G. Op. cit. P. 12.

для Х.-Г. Бека, события изложены следующим образом. Первыми, кому сенции сообщили о смерти Анастасия, были магистр официий Келер и комит экскувитов Юстин. Келер направился в школы, отдав приказ собраться всем кандидатам и остальным школяриям. Юстин со своей стороны собрал “солдат, трибунов, викариев и первых из экскувитов, сказав им следующее: “Господин наш, будучи смертным, скончался. Надлежит нам сообща решить и избрать [императора], угодного Богу и подходящего государству”⁶⁷. Со сходным обращением (τὸν αὐτὸν τρόλον) обратился Келер к кандидатам и первым из школяриев⁶⁸.

Наутро во дворец явились архонты, одни одетые в траурные одежды, другие, видимо, еще не знавшие о кончине василевса, – в различные цвета. А на ипподроме собрался народ и начал выкликать славословия сенату: “Многая лета синклиту. Синклит римлян, твоя победа! Василевса, данного Богом, войску! Василевса, данного Богом, вселенной!” Затем были поставлены скамьи в портике большого триклиния, и все архонты и патриарх, разместившись здесь, принялись спорить, кого выдвинуть в императоры. Каждый предлагал своего кандидата. Время шло, наконец, магистр Келер обратился к собравшимся с такими словами: “Пока возможно, нам надо решать и действовать. Если мы быстро назовем, кому надлежит быть [императором], все за нами последуют и успокоятся. Если же мы в короткое время не станем господами решения, то нам придется следовать за другими”⁶⁹. Но и эти слова не подействовали на сановников, и они продолжали спорить.

Пока среди архонтов шли споры, на ипподроме экскувиты стали провозглашать василевсом некоего Иоанна, трибуна, принадлежавшего к дому (οἰκιοῦμενον) Юстина⁷⁰, и подняли его на щит. Венетам это не понравилось, и они пустились в ход камни. В ответ экскувиты поразили некоторых из них стрелами. Тогда инициативу перехватили школярии и, κατέσχεον πατρίκιον, ὄντα στρατηλάτην, подвели его к центральному ложу⁷¹ [триклиния]⁷² и, поставив на него, хотели возложить на его голову венец. Слово “патрикий” (πατρίκιον) в издании Рейске напечатано с маленькой буквы, и исследователи понимают это место как “некоего патрикия, бывшего магистром милитум”⁷³. Ю. Кулаковский высказал предположение, что этим патрикием был племянник усопшего императора – Ипатий⁷⁴. В самом деле, в 518 г. Ипатий занимал пост магистра милитум Востока, так что термин “стратилат” к нему вполне мог быть приложим; однако неясно, обладал ли он уже в 518 г. саном патрикия⁷⁵. К тому же в момент смерти Анастасия его, по всей видимости, не было в Константинополе, но в силу своей должности он находился в Антиохии или еще дальше⁷⁶. Не более естественно было бы предположить, что слово “патрикий” в данном случае означало не титул, а имя, тем более что магистром милитум in praesenti в 518 г. являлся как раз

⁶⁷ De cer. 93. P. 426.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid. P. 427.

⁷⁰ Иоанн, по всей видимости, являлся трибуном экскувитов и домашником Юстина. После того, как Юстин воцарился на троне, он был удостоен сана епископа. См.: PLRE. II. P. 609: Ioannes 65.

⁷¹ εἰς τὸν μέσον ἀκμοῦβιτον.

⁷² Т.е. триклиния девятнадцати аккумуляторов.

⁷³ См.: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1997. Т. 2. С. 16; Vasiliev A.A. Op. cit. P. 70.

⁷⁴ Кулаковский Ю.А. Указ. соч. Т. 2. С. 18–19. Примеч. 4.

⁷⁵ См.: PLRE. II. P. 579–580: Hypatius 6.

⁷⁶ Источниками зафиксировано его пребывание в разных городах Востока. См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Т. 2. P. 220. PLRE. II. P. 579.

человек по имени Патрикий. Это был известный военачальник и государственный деятель эпохи Анастасия, верно и преданно служивший своему государю, причем не только на военном, но и на дипломатическом и даже на религиозном поприщах. Именно в его доме проходило обсуждение разногласий между Севером Антиохийским и Иоанном Клавдиопольским, именно к нему в 511 г. обратилась группа монахов с просьбой вручить императору документ, содержащий обвинения в адрес патриарха Македония, наконец, именно ему (вместе с упоминавшимся выше магистром оффиций Келером) было поручено однажды (между 507 и 511 гг.) учинить допрос Македонию⁷⁷. Учитывая ночные события, мы вправе предположить, это не было спонтанное выдвижение случайной кандидатуры, но за этим стояла партия, которую возглавил магистр оффиций Келер, один из наиболее влиятельных государственных мужей эпохи Анастасия⁷⁸.

Экскувиты, за спиной которых стоял их комит Юстин, этот выбор отнюдь не одобрили. Напротив, они набросились на Патрикия, сбросили его с ложа и даже пытались убить, но в дело вмешался племянник Юстина Юстиниан, в ту пору кандидат, и велел заключить его под стражу, то ли для того чтобы спасти ему жизнь, то ли для того, чтобы устранить ненужного соперника. Тут все экскувиты начали принуждать Юстиниана принять сан василевса, но тот, по свидетельству “*De serimoniis*”, начал отпираться. Как мы видим, кандидаты на престол, которых выдвигали экскувиты, принадлежали к дому Юстина.

Имена всех кандидатов были сообщены архонтам, но никого из них собравшиеся сановники не одобрили. По прошествии какого-то времени высшие чины остановили свой выбор на старике Юстине, чем, разумеется, они вполне удовлетворили экскувитов, служивших под его началом. Схolarии поначалу возражали, и кто-то из них даже так ударил Юстина, что раскrojил ему губу. В конце концов, говорится в описании избрания Юстина, “возобладало мнение всех – и синклитиков, и воинов, и димотов”⁷⁹. После столь бурных дебатов имела место официальная церемония с поднятием Юстина на щит, коронованием патриархом и выходом в храм Св. Софии, как это имело место при провозглашении императором Анастасия⁸⁰. Отметим лишь одну небольшую, но очень важную деталь: когда исход выборов был окончательно решен, и Юстину уже предстояло обратиться к собравшимся с речью, ни квестора, ни магистра оффиций, которым, как известно, был Келер, найти нигде не удалось, и текст речи был зачитан ливеллисиями. Келер, говорится в источнике, не смог явиться из-за больших ног⁸¹. Однако его активное участие в выборах и его явное стремление повлиять на их исход, наводит на мысль, что эта болезнь была явно дипломатического свойства. Потерпев неудачу, он, видимо был сильно огорчен, а возможно, даже и напуган, чтобы показаться на глаза своему сопернику.

На основании изложения “*De serimoniis*”, текст которого, по всей вероятности, также восходит к Петру Патрикию, возвысившемуся в эпоху Юстиниана, можно предположить, что основная борьба за престол в 518 г. развернулась между Келером и Юстином. Между тем из сочинений других ранневизантийских авторов, в том числе и современников событий Иоанна Малалы и Марцеллина Комита, явствует, что за кулисами действовала еще одна, причем, возможно, первостепенная фигура – препозит священной спальни Амантий. Он пользовал-

⁷⁷ PLRE. II. P. 814: Patricius 14.

⁷⁸ Ibid. P. 275–277: Celer 2.

⁷⁹ De cer. P. 428.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid. P. 429.

ся при Анастасии огромным влиянием (ἐς τὰ μάλιστα δυνατός)⁸², и тот даже поверял ему свои сны⁸³. По всей видимости, он уже в силу своего статуса одним из первых, если не самым первым, узнал о смерти Анастасия и вознамерился сыграть в избрании нового императора ту же роль, что некогда сыграл препозит Урвикий при избрании Анастасия. Во всяком случае, согласно свидетельству Иоанна Малалы, Амантий собирался посадить на престол одного из близких себе людей – “своего domestika” Феокрита. С этой целью Амантий дал деньги комиту экскувитов Юстину⁸⁴, поручив раздать их подчиненным ему гвардейцам и таким образом обеспечить избрание Феокрита. Для Амантия это было жизненно важно, ибо он придерживался тех же монофиситских взглядов, что и Анастасий. Разумеется, эти взгляды разделяла и его креатура. По большому счету в 518 г. разгорелась борьба за то, каким путем идти Византии дальше – опираться на восточные провинции или смотреть на Запад, как то и случилось при Юстине и Юстиниане. Искушенный, как и все евнухи, во всякого рода придворных перипетиях, Амантий смотрел на солдата Юстина лишь как на инструмент в той интриге, которую он замыслил. Вполне возможно, что комит экскувитов являлся его доверенным лицом. Но Юстин оказался не так прост или, что наиболее вероятно, он прибег к совету своего племянника Юстиниана, которому было уже в ту пору около тридцати шести лет, и тот решил не упускать свой шанс. Возможно, даже возник определенный план: выдвинуть сначала кандидата, которого не одобряют венеты (не случайно они явились на ипподром с камнями), а Юстиниан, как известно, являлся патроном венетов⁸⁵. А затем как бы спонтанно возникла кандидатура Юстиниана, который, кстати говоря, незадолго до этого проявил чрезвычайную активность и отправил под арест Патрикия, конечно же, для того, чтобы устранить ненужного соперника.

Но активный, полный сил, честолюбивый, со взорами, устремленными на Запад, он никак не подходил верхушке аристократии, окружавшей Анастасия. Видимо, поэтому архонты остановили свой выбор на Юстине, который был стар и придерживался более умеренных взглядов. Сиятельные вельможи, видимо, надеялась выиграть время. Им, возможно, не приходило в голову, что с приходом к власти Юстина фактически начнется долгое правление их противника – Юстиниана, которого они менее всего хотели видеть на троне в 518 г.

Итак источники, столь колоритно живописующие избрание Юстина, свидетельствуют о том, что войско, представленное в Константинополе придворной гвардией (схолариями и экскувитами), продолжало играть важную роль в избрании императора. Именно на войско, точнее на экскувитов, т.е. гвардию в собственном смысле слова, хотел опереться препозит Амантий, уверенный, кстати говоря, в том, что от воли начальника зависит настрой всех подвластных ему воинов. Наряду с войском важную конституционную роль в избрании императора играет сенат, который славословит собравшийся на ипподроме народ и которому соответственно отдается предпочтение перед войском, и, кроме того, димоты, т.е. организованный по димам народ Константинополя. И все же решающее слово, как и раньше, принадлежит верхушке senatorской знати – архонтам. Во всяком случае в своем письме к римскому папе Юстин так объявил о своем воз-

⁸² Euagr. IV. 2.

⁸³ Malal. P. 408–409.

⁸⁴ Malal. P. 410. Ср.: Euagr. IV. 2; Chron. Pasch. P. 611–612.

⁸⁵ Любопытно отметить, что, по свидетельству Иоанна Малалы, Юстин раздал полученные от Амантия деньги не только воинам, но и народу (Malal. P. 141), под которым в данном случае, видимо, стоит подразумевать венетов.

ведении на престол: “Мы избраны на царство милостью неделимой Троицы, выбором высших чинов священного дворца и сената, и, наконец, избранием армии”⁸⁶. Итак, в официальном документе Юстин на первое место после Бога поставил высших сановников, а не сенат как институт.

Из всего сказанного можно заключить, что главное слово было за высшими сановниками (архонтами), которые в критические моменты действуют от имени не только сената, но и войска и народа.

Число архонтов и выполняемые ими функции были различны, но одно несомненно – это были высшие гражданские и военные чины, находившиеся на действительной службе, такие как префект претория Востока, префект города Константинополя, магистр милитум, магистр оффиций, квестор священного дворца и т.д. Показательно, что согласно закону императора Зинона, обладатели именно этих высоких постов имели право на получение высшего титула – патрикия⁸⁷. Иными словами, можно говорить о соответствии закона и той практики, которая имела место.

Основная масса сенаторов играла в избрании по большей части репрезентативную роль, однако сам факт их присутствия в зале, где обсуждалась проблема избрания нового василевса, весьма показателен, ибо он символизирует сопричастность сената к этому важному государственному акту, что не имело место в Риме, где сенат лишь ратифицировал избрание армией императора. Константинопольский сенат состоял главным образом из чиновников, действительных и находившихся в отставке, и хотя его представители больше походили на придворную знать, именно этот фактор делал его более сопричастным важным политическим актам, каким являлось избрание нового императора. Именно по этой причине сенат как целое собрание часто фигурирует в источниках при упоминании о восшествии на престол нового василевса. Важнейшие его представители действуют от его имени, что и придает их действиям большую законность и силу.

Показательно, что провозглашение Юстина II (565–578) произошло в императорском дворце в присутствии одного сената и лишь затем он был выведен в ипподром и представлен народу и войску⁸⁸. По всей видимости, именно в VI в., т.е. когда как раз и жил Петр Патрикий, сохранивший описание провозглашения императором Льва I, было сделано вступление к ранее существовавшему тексту относительно того, что выбор Льва был определен сенатом⁸⁹. В этой связи небезынтересным будет отметить, что если еще Лев I в 457 г. при своем провозглашении в Евдоме обращается с речью к войску, называя его главным источником своей власти, внук императора Ираклия Констант по восшествии на престол обратился со сходной речью к сенату, который благодарит за “всепомощное решение” и просит сенаторов быть советниками и пестунами “всеобщего благополучия подданных”⁹⁰.

Таким образом, к концу ранневизантийского периода как главная конституционная сила сенат и войско поменялись местами. Тем не менее, в избрании императора главное слово было за высшими сановниками (архонтами), которые в критические моменты опирались на сенат как на институт.

⁸⁶ Coll. Avellana. Ep. 141.

⁸⁷ Cod. Just. XII. 3. 3. См. также: Чекалова А.А. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. 1997. Т. 57(82). С. 32–44.

⁸⁸ Coripp. II. 84–3000.

⁸⁹ См. выше с. 9.

⁹⁰ Theoph. P. 342.